

СОВА МИНЕРВЫ ВЫЛЕТАЕТ В СУМЕРКИ

На всякого мудреца довольно простоты.

В Пруссии философ акклиматизировался быстро. Столичные будни отличались от жизни в Гейдельберге. Расширился круг знакомств, да и знакомые стали рангом выше: министры, тайные советники, знаменитости из мира науки и искусства. После победы над Наполеоном монархия Гогенцоллернов претендовала на ведущее место в германском мире. Берлин жил интересами большой политики. Гегелю это импонировало.

Дома, правда, все обстояло по-прежнему. Как и раньше, велась хозяйственная книга, где учитывался каждый приобретенный и истраченный грош. Ежеквартально философ получал 500 талеров жалованья, к ним присоединялись студенческие взносы за лекции и гонорары. Жене раз в неделю на продукты вручалось 10 талеров. Квартиру, прислугу (за квартал — 7 талеров 12 грошей) и прочие расходы глава семьи оплачивал сам. В Гейдельберге профессорша Паулюс его пугала: в Берлине пьют вино наперстками. Гегель и здесь, в Пруссии, верен швабским привычкам: на вино уходит немало денег. Всегда готов профессор выпить чашку хорошего кофе. А вот кормят в его доме сытно, но просто, без деликатесов. (Когда после смерти Гегеля один из его учеников спросил, что было любимым блюдом покойного, вдова не поняла вопроса. Любимое блюдо? Такой категории в ее домашнем хозяйстве не существовало.) Значительное место в бюджете Гегеля занимают наряды жены, да и сам профессор не прочь принарядиться («борьба против моды — мальчишество», — говорит он на лекциях). В графе расходов — книги, театр, концерты, иногда ресторан. Гегель охотно ходит в гости и принимает гостей у себя.

Как рассказывают люди, близко знавшие философа, Ге-

гель никогда не уклонялся от развлечений, наоборот, чем дальше, тем больше они становились его настоятельной необходимостью. Всегда готовый поболтать, он охотно выслушивал городские сплетни, живо обсуждал политические новости. Общество женщин было ему приятно; юность и красота становились предметом его внимания и даже шуточного поклонения. По временам ему нравились ординарнейшие люди, как будто его собственное глубокомыслие нуждалось в компенсации с помощью чужой поверхностности и банальности; к подобного рода личностям он питал порой какую-то добродушную симпатию. Таким, как мы уже знаем, был Нитхаммер. В Берлине Гегель нашел себе нового, очень похожего на него друга. Иоганнес Шульце служил в министерстве вероисповеданий и ведал делами высшей школы. Он жил рядом с Гегелем, и они часто бывали вместе.

«Однако, — пишет Розенкранц, — следует обратить внимание не только на дружелюбную сторону поведения Гегеля в обществе, но и на его жесткую решимость, непреклонность, упрямство, его, как это принято называть в Берлине, деспотизм. Механизм берлинской жизни требует умения придерживаться твердой и последовательной линии, если не хочешь стать игрушкой в чужих руках и при самом большом даровании превратиться в ничтожество. Поэтому внешняя поверхность пестрой светской жизни, которую вел Гегель, доверительное общение с друзьями... все это имело серьезную, зачастую мрачную оборотную сторону. Столкновения происходили иногда даже с друзьями. По отношению к тому, кто ему полностью противоречил, он держался как гранит: только в минуты самого лучшего настроения его можно было уговорить встретиться с этим человеком. Он обладал великой силой гнева и ярости; если уж он ненавидел, то весь отдавался этому чувству. А когда начинал кого-то бранить, то становился просто ужасен»¹. Его гнев прежде всего обрушивался на идейных противников.

Приглашая Гегеля в Берлин, Альтенштейн преследовал вполне определенную политическую цель. Наступало тревожное время студенческих волнений, а министр считал занятия философией лучшим средством для успокоения умов. Революция, полагал Альтенштейн, возникает как следствие взрыва насильственно подавленной эволюции. Поэтому следует избегать чрезмерного насилия, мудро руководить делами, постепенно направляя их течение в нужную сторону. Неоценимую услугу при этом оказывает философия, причая мыслить разумно и систематически. Из существующих

философских доктрин наиболее приемлемым министру представлялось учение Гегеля.

Гегель знал, что от него хотят. Свою вступительную лекцию в Берлине он начал с прославления Пруссии как центра науки и культуры. Духовная жизнь, говорил он, составляет один из основных моментов этого государства. Вместе с тем именно здесь «получила свое начало та великая борьба, которую народ в единении со своим государем вел за свою независимость, за уничтожение чужой бездушной тирании и за духовную свободу»². Философия нашла убежище в Германии и живет только в ней. Былые бонапартистские симпатии Гегеля улетучились еще в Гейдельберге, общий патриотический подъем захватил и его.

Война 1814 года оставила противоречивое наследие: пробудив свободолобивые надежды, показав необходимость активных действий, она вместе с тем довольно основательно спутала ориентиры. Революция, которая на глазах одного поколения выродилась в наполеоновскую диктатуру, симпатий уже не привлекала. Горячие головы были полны националистического угара. Но бурлило только студенчество. В этой среде возникла радикалистская организация — Буршеншафт. Она пришла на смену старым академическим землячествам, где студенты лишь пили во славу своих монархов. Она сразу приобрела политический характер, хотя какой-либо определенной программы не существовало. Это было движение не столько «за», сколько «против». Против французских мод, против английских товаров, против русского самодержавия, против собственного правительства. При этом одни мечтали о возрождении Германской империи, другие хотели видеть свою страну демократической республикой. Многие считали, что в первую очередь надо покончить с евреями. Все без конца повторяли четыре sacramентальных прилагательных: frisch, frei, frohlich, fromm (свежий, свободный, веселый, благочестивый). Перестав носить французские галстуки, бурши были убеждены, что воскрешают древнегерманскую доблесть. Центр движения находился в Йене, где профессор Фриз с университетской кафедры туманно вещал о немецкой свободе: веймарский герцог Карл Август покровительствовал либеральным начинаниям.

В октябре 1817 года исполнилось триста лет со времени начала Реформации в Германии. Официальные торжества состоялись в Виттенберге. В Вартбурге собрались студенты (человек пятьсот), решившие заодно отметить и четырехлетие битвы под Лейпцигом. В театральной обстановке, в при-

сутствии четырех йенских профессоров (в том числе Фриза), воодушевленные их речами студенты совещались о создании общегерманского Буршеншафта. Во время торжественного обеда провозглашались тосты за свободу, за герцога Веймарского, за победителей при Лейпциге. Вечером профессора отбыли восвояси, а молодежь продолжала веселиться при свете факелов. В честь Лютера зажгли костер. Вдруг кому-то пришла в голову мысль предать огню ненавистные книги. Под рукой их не оказалось, поэтому под общий хохот зачитали список из двадцати восьми названий (среди них были и сборник прусских полицейских инструкций, и кодекс Наполеона) и сожгли наспех сделанные макеты. Заодно в огонь бросили солдатскую косичку и капральскую палку.

Вартбургский праздник повлек за собой ряд репрессивных мер. Фриза отстранили от должности. Студенты завоновались. Весь следующий год напряжение нагнеталось. Весной 1819 года произошло убийство Коцебу.

Уроженец Веймара, юрист по образованию, монархист по убеждениям, литератор по призванию Август Коцебу был человеком пестрой судьбы. Дипломат на русской службе, он получил от царя дворянский титул и поместье в Эстляндии, но также ссылку в Сибирь, где находился, правда, недолго. В Вене он подвизался в роли придворного драматурга, в Берлине его избрали членом Академии наук. После Тильзита снова очутился в Петербурге, где издавал антинаполеоновские журналы, в том числе «Немецко-русский народный листок». Быстро продвигаясь по службе, он достиг крупного поста в русском министерстве иностранных дел. В 1817 году Александр I послал его в Германию с поручением информировать о положении в стране. Перу Коцебу принадлежало двести одиннадцать пьес, пользовавшихся шумным успехом, и огромное множество прозаических произведений. Он высмеивал движение буршей, а те платили ему ненавистью, называли русским шпионом, грозили расправой. 23 марта руководитель Буршеншафта в Эрлангене Карл Занд проник в дом писателя и заколол его кинжалом. Студент-богослов бросился на Коцебу с криком «Предатель родины!». Совершив убийство, Занд опустился на колени и произнес: «Благодарю тебя, Господи, за эту победу». Он нанес себе несколько кинжальных ударов, но они оказались не смертельными. Задержанного выходили врачи, а затем, уже по приговору суда, палач отрубил ему голову.

Во время следствия упорно искали сообщников, но их не оказалось. Тем не менее начались аресты. Фридрих Виль-

гельм III поспешил похоронить проект прусской конституции, над которым работал Вильгельм Гумбольдт. Повсюду были закрыты спортивные залы, где собиралась молодежь. Летом в Карлсбаде встретились немецкие государственные руководители. Здесь постановили усилить правительственный надзор за университетами, запретить тайные общества, установить цензуру для всех печатных изданий объемом меньше 20 авторских листов, создать в Майнце комиссию по делам «демагогов».

Среди задержанных полицией и привлеченных к расследованию были и гегелевские ученики. Философ невольно оказался вовлеченным в гущу событий. Он не одобрял радикализма, но равным образом — полицейских репрессий. Он пытался умерить пыл буршей, но всегда оказывал посильную помощь жертвам преследований.

Сначала сообщам версию, как бы заимствованную из оперетки, но имевшую широкое хождение в Берлинском университете. Будто бы один из арестованных студентов был помещен в тюремную камеру, окно которой выходило на Шпрее и находилось почти на одном уровне с водой. Товарищи заключенного повадились навещать его по ночам, подъезжая к тюрьме на лодке. Однажды они взяли с собой и профессора Гегеля. Риска получить пулю часового, он не терял тем не менее присутствия духа. В целях конспирации разговор с арестованным шел на латинском языке. Гегель ограничился лишь одним вопросом: «Num te vides?» («Теперь ты видишь меня?») Поскольку до узника можно было почти дотянуться рукой, неуместность вопроса вызвала на обратном пути общий смех, который философ принял как должное.

Скорее всего, ничего подобного не было. По-видимому, это одна из тех легенд, которыми студенты окружают и свои проделки, и своих профессоров. Но она интересна как свидетельство доброжелательности и уважения. Здесь и вера в мужество учителя, и легкая насмешка над его неумением ориентироваться в обстановке.

В действительности Гегель был основательно напуган тем, что творилось вокруг него. «Мне, — писал он в одном из писем, — скоро исполнится 50 лет, из них 30 я прожил в эти вечно беспокойные времена страхов и надежд, и я надеялся, что хотя бы теперь придет конец всем этим страхам и надеждам. Но теперь я вижу, что всему этому не будет конца, и в мрачные минуты мне кажется, что все идет хуже и хуже»³. В другом письме: «Я и боязливый человек, и люблю покой, и мне совсем не доставляет удовольствия наблюдать,

как надвигается гроза, хотя я и уверен, что на меня упадет самое большое несколько капель из дождевой тучи»⁴.

Радикально настроенных студентов и преподавателей Гегель называл «свободолюбивым сбродом». Вместе с тем, преодолевая, с одной стороны, свои антипатии к «демагогам», а с другой — страх перед властями, он принимал живое участие в судьбе арестованных, хотя не столь романтическим образом, как приписывала ему молва.

В июле 1819 года был арестован студент Густав Асверус, сын одного из его йенских друзей, член Буршеншафта, националист и экстремист. Он восторгался поступком Занда, считая, что присутствие Коцебу в Германии свидетельствовало о слабости страны; к подобного рода деяниям не применим обычный масштаб; право, рожденное идеей могучей родины, стоит выше каких-либо прав. Пусть малoverы думают о последствиях. Мировой дух прокладывает дорогу вперед великими делами. В голове Асверуса фразеология Буршеншафта перемешалась с гегелевской терминологией. Произвольно толкуя Гегеля, он считал его своим духовным наставником. «Гегель, — писал он, — открыл мне глаза на роль государства, и я знаю теперь, что нужно делать, к чему стремиться; я знаю, что от республики, избирательной системы, равенства имуществ и т. д. никакого проку. Об этом мечтают многие, но я это выбросил из головы, не потому, что это слишком высокие вещи, а потому, что это пустые фантазии... Но я требую свободы человека и единства моей родины... Из чувства недостатка этого единства я и вывожу поступок Занда... Но будьте спокойны, я ничем другим заниматься не буду, кроме как усердно учиться, именно к этому меня зовет деяние Занда»⁵.

Отец Асверуса обратился за помощью к Гегелю. Времена были суровые, и вступаться за врагов короля значило ставить под угрозу самого себя. Но Гегель все же пошел на это. Он передал прошение старого Асверуса в министерство полиции, присовокупив к нему собственное письмо, содержащее политическую характеристику арестованного студента и уверения в его невиновности. Один из близких знакомых Гегеля, юрист Краузе, взял на себя ведение дела. Студента держали в одиночной камере, не разрешали свиданий. Следствие тянулось два года; никаких преступлений Асверус не совершал, за убеждения судить было нельзя, поэтому обвинительный материал фабриковался следователями. Гегель и Краузе подавали прошения, ходили по инстанциям. В конце концов Гегелю удалось взять Асверуса на поруки под залог 500 талеров и в июне 1820 года тот оказался на свободе.

Но дело на этом не кончилось. В декабре 1824 года состоялась наконец суд, приговоривший ни в чем не повинного юношу к шести годам тюрьмы. За «измену родине» и намерение совершить убийство. Якобы он угрожал смертью некоему Илькзену. О последнем было известно, что он сотрудничал с французами, на его совести было два казненных наполеоновскими солдатами патриота. Когда Илькзен появился в 1817 году в Йенском университете, бурши обещали с ним расправиться, и в конце концов власти удалили его из города. В бумагах Асверуса при обыске был найден экземпляр письма студента Римана к Илькзену с угрозами, которое ходило в Йене в списках. Асверус внес в письмо некоторые литературные исправления, для суда этого было достаточно, чтобы признать его виновным в намерении организовать покушение. Все было шито белыми нитками, но потребовалось еще почти два года, чтобы приговор был отменен, а Асверус полностью оправдан.

Репрессии коснулись коллег Гегеля. Большинство преподавателей Берлинского университета находились под подозрением. Профессор де Ветте был уволен. Причиной увольнения послужило его письмо к матери Занда, в котором он называл убийцу чистым, благочестивым юношей и фактически оправдывал его поступок. Сенат университета попытался вступить за де Ветте, но получил от короля резкую отповедь. Студенты поднесли своему любимцу серебряный кубок с цитатой из Евангелия: «Не бойтесь убивающих тело, души не могущих убить». При увольнении король распорядился выплатить де Ветте вперед трехмесячное жалованье, но профессор гордо отказался. Однако на его руках находилась семья, а средств к существованию не было. Берлинские коллеги де Ветте взяли на себя обязательство тайком от правительства отчислять уволенному небольшие суммы, пока он не устроится на работу. Шлейермахер дал 50 талеров, Гегель — 25 (в известную нам книгу доходов и расходов на всякий случай эту трату он не внес). Напомним читателю, что де Ветте был одним из тех, кто активно препятствовал приглашению Гегеля в Берлин.

По поводу увольнения де Ветте между Гегелем и Шлейермахером произошло резкое столкновение. Философ заявил, что правительство имеет право отстранить от работы преподавателя, если при этом сохраняет за ним жалованье. Богослов назвал это низостью. Философ ответил не менее резко. Придя домой и успокоившись, Шлейермахер написал записку с извинением. Он начал с того, что сообщил Гегелю адрес виноторговца, услугами которого тот хотел пользо-

ваться, а затем поблагодарил философа за то, что последний не оставил без ответа его грубость и тем самым несколько уравновесил ситуацию. Гегель ответил на следующий день: «Благодарю Вас, дражайший господин коллега, прежде всего за сообщенный Вами вчера адрес винной торговли, а также за высказывания, которые, устраняя неприятный инцидент, одновременно опосредуют мой возбужденный ответ и увеличивают мое к Вам уважение»⁶. Но отношения между Шлейермахером и Гегелем испортились окончательно. Первый, занимавший ключевые позиции в Академии наук, так и не допустил избрания второго в академики.

(У читателя не должно возникнуть впечатления, будто вражда между Гегелем и Шлейермахером носила только личный характер. Как и в столкновениях с Фризом, в основе лежали принципиальные разногласия. Шлейермахер принадлежал к чуждому Гегелю романтическому движению. В своих богословских и философских изысканиях он исходил из примата личности, наиболее адекватным способом постижения действительности считал искусство. Диалектику Шлейермахер оценивал в духе Платона, как диалог, как субъективное искусство обретения истины в беседе; Гегеля он обвинял в догматизме.)

Круг репрессий сужался вокруг философа. Уволили с работы Фёрстера, близкого друга и ученика Гегеля, преподавателя военного училища. На студенческом празднике в Пихельсберге в мае 1819 года он поднял тост «не за здоровье Занда, а за то, чтобы зло исчезло без кинжальных ударов». На этом празднике присутствовал и Гегель. Из университета изгнали Карове, репетитора его лекций. В прошлом Карове был руководителем умеренного крыла Буршенштафта. В 1819 году он издал брошюру об убийстве Коцебу, осуждающую с позиций гегелевской философии и преступника, и преступление. Брошюру извратили и, хотя полицейское ведомство свидетельствовало о лояльности Карове, Альтенштейн не разрешил ему проходить в Берлине габилитацию. Карове перебрался в Бреслау, но там по требованию Майнцской следственной комиссии правительственный уполномоченный при университете учинил новое дознание. В результате путь к преподавательской деятельности для Карове был закрыт. Гонения, обрушившиеся на Карове, рассматривались как свидетельство того, что акции Гегеля в правительственных кругах упали.

Хеннинг, сменивший Карове в роли гегелевского помощника, был неожиданно арестован. Его продержали в тюрьме семь недель и выпустили, не предъявив никаких обвинений.

Когда Гегель в августе 1820 года отправился в Дрезден, берлинская полиция проявила к этому живой интерес. Гегель был членом так называемого «Беззаконного общества» — светского клуба, где встречалась берлинская знать. Название, однако, шокировало верноподданнические уши, и следственная комиссия решила проверить деятельность общества; ищейки успокоились лишь после того, как выяснилось, что членом клуба состоит шеф берлинской полиции фон Камптц.

Гегель все это время интенсивно работал над «Основами философии права». Книга была готова уже в 1819 году, но застряла в цензуре. В свет новый труд Гегеля вышел в октябре 1820 года. Гегель облегченно вздохнул и послал экземпляры своей книги не только Альтенштейну, но и самому Герденбергу. В сопроводительном письме канцлеру Прусского королевства он уверял, что все его научные устремления направлены «на доказательство полного взаимосогласия философии с теми основоположениями, в которых испытывает необходимость вообще природа государства, наиболее же непосредственно на доказательство полного взаимопонимания философии со всем тем, что отчасти обрело, отчасти же столь счастливо обретет в дальнейшем под просвещенным Правлением его величества короля и под мудрым руководством Вашего сиятельства Прусское государство, принадлежать каковому именно посему не может не быть поводом для особого удовлетворения»⁷.

Это письмо было написано осенью 1820 года. А летом того же года друзья Гегеля стали свидетелями его поступка совершенно иного рода. Однажды философ велел принести бутылку шампанского и предложил выпить «в честь сегодняшнего дня». Присутствующие терялись в догадках; день казался самым заурядным: никто не родился, никто не умер, не получил повышения, ничего примечательного в этот день не случилось ни в Берлинском университете, ни вообще в Прусском королевстве. Тогда Гегель торжественно заявил: «Сегодня 14 июля. Этот бокал за взятие Бастилии». Философ, служивший прусской монархии, каждый год отмечал юбилей французской революции.

* * *

В предисловии к «Основам философии права», датированном 25 июня 1820 года, Гегель отмечает, что непосредственным побуждением к изданию книги является потребность дать в руки слушателей пособие к лекциям. Вместе с тем он не ограничивает свою задачу созданием учебника,

представляющего, главным образом, обобщение и систематизацию известного и общепризнанного содержания. Он хочет выволить философию из позорного упадка, в котором она находится. Для этого необходимо руководствоваться научным методом, так чтобы все произведение в целом, как и разработка его частей, имели своим основанием дух логики. Задача состоит в том, чтобы преодолеть ошибочный взгляд, согласно которому истинным в нравственных предметах и государственных делах является лишь то, что каждый извлекает из своего сердца, своей души, своего вдохновения.

Особое раздражение у Гегеля вызывают рассуждения на эту тему Фриза — вождя «поверхностности, которая называет себя философствованием... На самом деле это — размазня сердца». Гегель цитирует его речь на Вартбургском празднике и заявляет, что подобные взгляды ведут к разрушению не только нравственности и совести, правды и любви в отношениях между частными лицами, но общественного порядка и государственных законов. Поэтому следует считать счастьем для науки, что такого рода философствование пришло в соприкосновение с действительностью и дело дошло до «открытого разрыва». Зная судьбу Фриза и его окружения, мы можем понять, на что намекает Гегель.

Это место было встречено негодованием. Но в еще большей степени вызвал неудовольствие знаменитый афоризм, занимающий центральное место в предисловии: «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно»⁸. Афоризм был принят как апология прусского государства. У Гёте был заготовлен ответ: «Сущее не делится на разум без остатка»⁹. Спустя столетие Альберт Швейцер пришел в ужас от слов Гегеля: «В ночь на 25 июня 1820 года, когда эта фраза была написана, началась наша эпоха, которая привела к мировой войне и когда-нибудь закончится гибелью цивилизации»¹⁰.

Гегель сам почувствовал шаткость своего афоризма и в заново написанном введении к «Энциклопедии философских наук», увидевшем свет в 1827 году, пояснил свою мысль. Он отмечал, что только Бог один «истинно действителен», что существование представляет собой лишь часть действительности. В повседневной жизни называют действительностью всякую причуду, заблуждение, зло и т. д., но на самом деле случайное существование не заслуживает громкого названия действительности¹¹.

В такой интерпретации мысль Гегеля пришлась по вкусу всем, кто хотел переименовать действительность. «Действительность, по Гегелю, — писал Ф. Энгельс, — вовсе не пред-

ставляет собой такого атрибута, который присущ данному общественному или политическому порядку при всех обстоятельствах и во все времена. Напротив. Римская республика была действительна, но действительна была и вытеснявшая ее Римская империя. Французская монархия стала в 1789 г. до такой степени недействительной, то есть до такой степени лишенной всякой необходимости, до такой степени неразумной, что ее должна была уничтожить великая революция, о которой Гегель всегда говорит с величайшим воодушевлением»¹².

Г. Гейне, встречавшийся с Гегелем в двадцатые годы, однажды выразил ему свое недовольство по поводу его формулы о разумности действительного. Гегель, по словам Гейне, улыбнулся и возразил: «Это можно выразить и таким образом: все, что разумно, то неизбежно». Аутентично ли свидетельство Гейне, или это плод его поэтического воображения? Известные до последнего времени студенческие записи курса лекций Гегеля по философии права не подтверждали правоты Гейне.

Но вот в 1983 году профессор Д. Хенрих (Мюнхен) опубликовал хранившуюся в одной американской библиотеке рукопись — студенческий конспект курса, прочитанного в 1819/20 году, то есть непосредственно перед завершением книги. Там известный афоризм сформулирован иначе, чем в опубликованном тексте: «Что разумно, станет действительным, и что действительно, станет разумным».

Этого, однако, мало; подлинную сенсацию вызвало известие о том, что среди предназначенной для уничтожения макулатуры в лавке гейдельбергского букиниста найдена запись еще более раннего курса философии права, прочитанного Гегелем в 1817/18 году. Она была немедленно выпущена сразу двумя издательствами. Еще бы: в ней афоризм звучит именно так, как передал его Гейне: «Все, что разумно, то неизбежно»¹³. Эта фраза, по свидетельству Д. Хенриха, работавшего и над рукописью Ваннемана (автора сенсационного конспекта), повторяется в ней более десяти раз, она фигурирует в политико-теоретическом контексте курса как философский лейтмотив.

В обоих лекционных курсах Гегель высказывается весьма радикально. В тех лекциях, что читались зимой 1819 года, философ говорит о «вынужденном праве», имея в виду право обездоленных на восстание. В опубликованном тексте книги «Основы философии права» все это опущено, мысли вполне консервативны. Гегель призывает к тому, чтобы за видимостью преходящего увидеть непреходящую субстан-

цию. Философия, которая обращает внимание на суетное и лучше понимает, как устраивать жизнь, сама есть «праздная суета»¹⁴. Вступая во внешнее существование, разумное обретает бесконечное богатство форм, обводит свое ядро пестрой корой, а поверхностное сознание застревает в ней; лишь понятие проникает сквозь эту кору, чтобы нащупать внутренний пульс и ощутить его биение также и во внешних образованиях. Бесконечный материал внешней оболочки и его регулирование не есть предмет философии; в этом отношении она может избавить себя от труда давать благие советы. Платон мог бы воздержаться от того, чтобы рекомендовать нянькам укачивать детей, а не держать их спокойно на руках. А Фихте не следовало тратить силы на совершенствование паспортной системы (он, оказывается, придумал помещать в паспорте подозрительных лиц не только их собственноручную подпись, но и портрет).

Следовательно, постичь то, что есть, — вот в чем задача философии, и как каждый из людей — сын своего времени, так и философия есть эпоха, охваченная в мыслях. Глупо думать, что философия может выйти за пределы современного ей мира, так же как наивно строить себе мир, каким он должен быть, этот мир может существовать лишь в мнении его создателя. К тому же философия всегда приходит для такого поучения слишком поздно. В качестве мысли о мире она появляется лишь тогда, когда мир закончил свое формирование. «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это означает, что некоторая форма жизни постарела, философия может ее не омолодить, а лишь понять. Сова Минервы вылетает только в сумерки»¹⁵.

И этот афоризм вызывал кривотолки, действовал удручающе особенно на молодых его учеников. Один из них — Михелет решил дополнить фразу учителя следующим образом: «Но философия это также предрассветный крик петуха, возвещающий новую молодость мира»¹⁶. Учитель не возражал против такой поправки. Учение Гегеля поддавалось прямо противоположным интерпретациям.

Перед нашими глазами лежит, однако, текст книги, и мы читаем то, что в ней написано. Наука о праве, говорит Гегель, стремится к постижению государства как разумной субстанции. Она не ставит себе целью указать, каким должно быть государство, ее задача — исследовать, каким образом государство, этот нравственный универсум, должно и может быть познано.

Философия права распадается на три части: абстрактное право, мораль, нравственность. Исходным пунктом права

выступает свободная воля. Воплощение воли в вещах — сфера формального и абстрактного права, отношений собственности. По существу, речь идет об экономических общественных отношениях, зафиксированных в социальных институтах и юридических нормах. Буржуазное содержание их очевидно. Первая заповедь права, по Гегелю, — будь юридическим лицом и уважай других в качестве таковых. Вкладывая свою волю во внешний предмет, любой человек тем самым приобретает право на присвоение вещей. Исходным импульсом присвоения является потребность, именно она и побуждает к обладанию вещами. А так как воля единичного человека реализует свои потребности в собственности, то последняя получает характер частной собственности. И хотя Гегель признает, что пользование стихийными (то есть природными) предметами не может по своему характеру быть частным, что история человечества знает наличие общей собственности, тем не менее частная собственность для него представляется единственно разумной.

Поистине сова Минервы блуждает в сумерках и философ живописует «серым по серому», когда рассуждает о собственности, о договорных отношениях и нарушении права: он прочно остается в рамках буржуазной эпохи. Правда, сумерки эпохи еще не стусились, возможности ее пока еще не исчерпаны, поэтому на серую апологетическую картину социальных институтов капитализма Гегель иногда кладет яркие мазки критических размышлений. Так, философ верно подметил тот факт, что всеобщая товарная форма распространяется и на духовные способности человека. Указывая на то, что собственность заключает в себе самой цель, он ясно видит, что первейшая задача капиталиста — накопление капитала. И, забегаая вперед, отметим, что в третьем разделе «Основ философии права» Гегель нарисовал убийственную картину накопления на одном полюсе буржуазного общества излишеств и роскоши, а на другом — нищеты. И общего обоим полюсам «физического и нравственного вырождения»¹⁷.

Раздел абстрактного права завершается анализом правонарушения, то есть «преступления и наказания». Наказание — это не запугивание, оно играет иную роль, чем палка по отношению к собаке. В наказании осуществляется право преступника на отношение к нему как разумному и свободному существу.

Переход от абстрактного права к морали вполне логичен. Первый вид свободы, реализующийся в вещах, в собственности не адекватен своему понятию и должен быть снят. Во-

ля личности должна проявиться не только в чем-то внешнем, но и в ее внутреннем мире. Внутренний мир личности есть мораль. Моральная воля обнаруживается не в мыслях и намерениях, а в делах.

Гегель подчеркивает деятельный характер намерения: оно приобретает значение, лишь воплотившись в поступок. Мы должны не просто хотеть чего-то великого, но и уметь добиться его, в противном случае наше желание ничтожно. Лавры одного лишь хотения — сухие листья, которые никогда не зеленеют. Известно, что великие поступки в качестве одного из результатов дают деятельному индивиду власть, честь или славу. И часто возникает суетное воззрение, что только этот внешний результат деятельности и является ее единственной целью. Таково воззрение лакеев по своей психологии, для которых не существует героев не потому, что последние не герои, а потому, что первые — лакеи. Человек имеет право делать свои потребности своими целями, при этом склонности и страсть, скажем, к почестям и славе сами по себе не есть что-то дурное.

Никакое доброе намерение не может служить оправданием дурного поступка, тем более правонарушения. Но Гегель, как мы знаем, не формалист: при крайней беде он разрешает пойти наперекор абстрактному праву. Если жизнь человека может быть спасена кражей куска хлеба, несправедливо рассматривать такой поступок как обыкновенное воровство, хотя этим и наносится ущерб собственности. Так возникает «право на неправовой поступок», «право требовать, чтобы нас не принесли в жертву праву». Границы этого «права» Гегель, разумеется, не фиксирует, они слишком зыбки. Для него лишь ясно одно: принцип «*fiat justitia*» («пусть творится правосудие») не должен иметь своим последствием «*pereat mundus*» («да погибнет при этом мир»).

Основное понятие морального сознания — добро, «абсолютная конечная цель мира». Творить добро, заботясь не только о своем благе, но и о благе других, велит нам долг. Выяснение роли долга — заслуга практической философии Канта; Гегель признает это, но видит себя вынужденным сказать о ней и свое критическое слово. Слабое место кантовского категорического императива, требующего поступать так, как должны поступать все, — «пустой формализм». Императив был бы хорош, «если бы мы уже обладали определенными принципами, указывающими, что нам делать». По этой причине, считает Гегель, нельзя полагаться на одну только совесть, которая «есть глубочайшее внутреннее одиночество». Совесть, говорит Гегель, есть порождение совре-

менного мира, предшествующие эпохи имели перед собой лишь внешние регуляторы поведения — религию и право.

Когда воля как самосознание ставит себя выше всеобщего, делает своим принципом произвол в поступках, возникает зло. «Злая воля волит то, что противоположно всеобщности воли». Откуда берется зло? Человек по природе своей ни добр, ни зол. Но как только природное в человеке соотносится с волей как со свободой и знанием этой свободы, возникает возможность как для добра, так и для зла. Ребенок или малообразованный человек в меньшей степени отвечает за свои поступки. Но полностью при этом ответственность не снимается. Паскаль справедливо напоминает о последней молитве распятого Христа: «Господи, прости им, ибо не ведают, что творят». Эта молитва была бы излишней, если бы неведение оправдывало бы поступок, и совершающие его, следовательно, не нуждались бы в прощении.

Но дело этим не ограничивается. Помимо неведения, есть еще куда более страшная причина зла — безосновательное убеждение в собственной правоте. Если человек видит добро в злом поступке другого, он лицемерит, если же он переносит это на свое поведение, то мы сталкиваемся с вершиной извращенности — субъективностью, выдающей себя за абсолют.

Не следует думать, что Гегель рассматривает лишь отрицательные возможности субъективной стороны морального сознания. Субъективность, подчеркивает он, должна уметь не только растворить внутри себя объективное содержание, но точно так же снова развить его из себя. А в эпохи, в которые действительность представляет собою пустое бездуховное и лишенное устоев существование, индивиду дозволено бежать от действительности в область внутренней духовной жизни.

Выше морали Гегель ставит нравственность. Для него это различные понятия. Мораль характеризует личную позицию индивида, в нравственности проявляются органические формы общности людей — семья, гражданское общество, государство. В этих социальных институтах дух обнаруживает себя как нечто объективное и как подлинная свобода. Существует ли индивидуум, это безразлично для объективной нравственности, которая одна только и есть пребывающее и сила, управляющая жизнью индивидуумов. Нравственность — вечная справедливость, по сравнению с которой суетные предприятия индивидов являются лишь игрою волн.

Нравственность рассматривается Гегелем прежде всего в ее наличной, то есть современной философу форме. При

этом поразительно, что он с легкостью отвлекается от всех тех аспектов, которые так или иначе выпадают из намеченной им схемы. Семья, например, интересует его исключительно в качестве института, в котором реализуется первоначальное единство людей. Любовь для Гегеля не уникальное переживание, а форма нравственной связи двух индивидов. Брак — прежде всего правовое состояние. «Брак отличается от сожительства тем, что в последнем имеет значение главным образом удовлетворение естественной потребности, между тем как в браке эта потребность оттесняется на задний план. Поэтому в браке говорят, не краснея, о таких естественных происшествиях, упоминание о которых при внебрачных отношениях вызвало бы чувство стыда». Гегель не против развода, он признает возможность расторжения брака, но «законодательства должны в высшей степени затруднять осуществление этой возможности и охранять право нравственности против каприза»¹⁸.

Гегель придает большое значение брачной церемонии. В ней он видит не просто формальность, без которой можно было бы обойтись, так как главным является любовь. Эту идею отстаивал Ф. Шлегель в «Люцинде», но Гегель называет ее аргументацией соблазнительей. «Относительно связи между мужчиной и женщиной следует заметить, что девушка, отдаваясь чувственно, жертвует своей честью, с мужчиной же, имеющим, кроме семьи, еще и другое поле нравственной деятельности, дело обстоит не так. Предназначение девушки состоит существенно лишь в браке»¹⁹. Женщины могут быть образованны, но для высших наук, как философия, и для искусства они не созданы. Государство подвергается опасности, когда женщины находятся во главе правительства, ибо они действуют не согласно требованиям всеобщего, а руководствуясь случайными склонностями и мнениями.

Наиболее содержательный раздел философии права — «Гражданское общество». Этим термином Гегель обозначает социальный строй, покоящийся на личном экономическом интересе, где «каждый для себя — цель, все другие — суть для него ничто»²⁰. Вместе с тем подобное общество Гегель рассматривает как продукт нового времени, то есть фактически речь идет об обществе буржуазном. Надо сказать, что и термин, которым он пользуется («bürgerliche Gesellschaft») имеет двойной смысл: «бюргер» по-немецки и гражданин и буржуа.

В основе гражданского (буржуазного) общества лежит система потребностей. Животное ограничено в средствах са-

моудовлетворения; существуют насекомые, которые связаны только с одним растением, у животных круг деятельности шире, человек же универсален в своем жизненном поприще. Но человек находит вокруг себя очень мало непосредственно пригодного для себя материала. Лишь путем труда он создает средства для удовлетворения потребностей. Так возникает экономическая система, сходная с планетной тем, что глазу сначала видны лишь неправильные движения, а за ними скрываются определенные законы. Эти законы изучает политическая экономия.

Гегель исследует труд как социальное отношение. Он видит, что всеобщее содержание труда лежит не в единичных произведенных продуктах, а в орудиях труда и навыках. Он показывает, как разделение труда приводит к упрощению операций, что открывает возможность для применения машин. В мануфактурном и машинном производстве скрыта одна из основных причин духовного оскудения и морального вырождения современного общества.

От взора мыслителя не укрывается и тот факт, что экономические отношения лежат в основе социальной дифференциации. Речь, правда, идет о сословном делении, но фактически Гегель приближается к осознанию существования в обществе классов. Неравенство людей установлено природой и усугублено гражданским (буржуазным) обществом, поднято до уровня различия в имуществе и культуре. «Требование равенства есть черта пустого рассудка»²¹. На страже собственности стоит суд.

Правосудие устраняет из жизни общества все случайное — чувства и мнения; их место занимает закон. Однако закон применим лишь к внешним проявлениям деятельности человека. Внутренний мир человека — вне сферы права. У китайцев, правда, существует закон, согласно которому муж должен любить свою первую жену больше других; если его изобличают в противном, то он подвергается телесному наказанию. В обществе с развитым правосознанием человека не могут судить за образ чувств или мыслей.

Право отражает состояние общества. Когда устои общества держатся прочно, оно снисходительно относится к правонарушениям. Если положение общества шатко, суровые наказания призваны укрепить его положение. Поэтому «один и тот же уголовный кодекс не может годиться для всех времен»²².

Перед судом все равны. В том числе представители власти. В эпоху феодализма суд заискивал перед властью; в новейшее время государь в своих личных делах признает

власть суда над собою, и в свободных государствах бывает, что он проигрывает процессы. Правосознание требует не только публичного оглашения законов, но и возможности знать, как закон осуществляется. Судопроизводство должно быть публичным. Только при этом граждане выносят убеждение, что действительно совершается правый суд, а приговор, объявляющий виновность или невиновность, «должен быть судом присяжных»²³.

Большое место в жизни гражданского общества Гегель отводит полиции, явно переоценивая ее назначение: «Полицейский надзор и опека имеют целью доставлять индивиду имеющиеся налицо всеобщие возможности достижения индивидуальных целей. Полиция должна заботиться об уличном освещении, постройке и исправности мостов, установлении твердых цен на предметы повседневного потребления, так же как и о здоровье индивидов»²⁴.

Философ видит, что рост промышленности и народонаселения ведет не к сглаживанию, а к обострению социальных противоречий. При чрезмерном богатстве общество недостаточно богато, чтобы преодолеть чрезмерность бедности. Эта диалектика заставляет гражданское (буржуазное) общество выйти за свои пределы. Внешне это выглядит как колонизация, а внутренне — как установление корпоративного строя, где реализуется описанное выше полицейское попечение. Так нравственность достигает своей высшей ступени — государства.

Только в государстве осуществляется подлинная свобода. «Существование государства — это шествие Бога в мире, его основанием служит сила разума, осуществляющая себя как воля»²⁵. Еще в «Науке логики» Гегель определял свободу как познание и реализацию необходимости, продемонстрировав на этом тождество противоположностей. В социальном плане противоположность свободы — рабство. Злые языки уверяли, что для Гегеля между ними нет разницы: тиранию прусской монархии он выдает за реализацию свободы. Но если обратиться к гегелевскому пониманию нравственной стороны государства, речь должна идти «об ее абсолюте. А абсолютная нравственная целостность есть народ»²⁶.

Славословя государство как таковое, Гегель допускает возможность существования «дурного» государства, как больного тела у человека. «...Действительность государства состоит в том, что интерес целого реализуется, распадаясь на особенные цели. Действительность есть всегда единство всеобщности и особенности; разложение всеобщности на особенности, которые представляются самостоятельными,

хотя они носимы и хранимы лишь внутри целого» в отсутствие единства лишают государство действительности. И тогда «ничто не действительно, хотя можно считать, что оно существует». Такое «лишь существующее государство» Гегель и называет «дурным». «Больное тело тоже существует, но оно не обладает подлинной реальностью. Отсеченная рука еще выглядит как рука и тоже существует, но она не действительна; подлинная действительность есть необходимость: то, что действительно, внутренне необходимо»²⁷.

Сопоставляя различные государственные формы, он высказывается за такую, которая сводит до минимума влияние личных качеств правителей на судьбы страны. Вопреки логике конституционную монархию он ставит выше демократической республики. Гегель не доверяет демократии; в частности, он опасается излишней свободы печати.

Гарантия прочности государственного строя — чиновничество. В отличие от аристократии чиновники не составляют изолированного слоя, они связаны с народом, воплощая в себе его лучшие качества, ум, образованность, правосознание. Эти иллюзии Гегеля высмеял Маркс: гегелевское описание бюрократии лишь частью соответствует действительности, частью же — тем представлениям, которые бюрократия имеет о себе. На самом деле дух бюрократии есть всецело дух иезуитства, дух теологии. Бюрократы — иезуиты государства.

Последняя проблема, на которой мы задержим внимание читателя, разбирая философию права, — отношение к войне. В Гегеле принято видеть ее безусловного апологета. Эта широко распространенная точка зрения аргументируется смачными выдержками из «Основ философии права». Здесь речь идет о «высоком назначении войны», благодаря которой «сохраняется нравственное здоровье народов» и т. д.²⁸ Гегель, не называя ее, цитирует здесь свою, относящуюся к 1802 году работу «О научных способах исследования естественного права». Примечательно, что Гегель уже в этой ранней своей работе (1802—1803 гг.) рассматривает проблему войны диалектически и в контексте бесконечности. Народы как единичные индивидуальности вступают в отношения друг с другом; их сосуществование выражает себя положительно (в мирном общежитии) и отрицательно (насильственным исключением одной стороны), «и оба эти отношения абсолютно необходимы»: в войне содержится свободная необходимость, она «...сохраняет здоровую нравственность народов» в их разнообразии и привычки к укорененности, «подобно тому, как движение ветра предохраняет озера от

гниения»²⁹. «Основы философии права» вышли в 1820 году. Таким образом, как бы перебрасывается мостик от раннего периода творчества мыслителя к зрелости; и в том и другом случае Гегель предстает перед нами как безусловный противник вечного мира и сторонник войны.

Вместе с тем мы помним, что в юношеском фрагменте «Первая программа системы немецкого идеализма» (1796 г.) Гегель держался иных взглядов; в свою гуманистическую программу, воспроизводившую идеи Гердера, он включал требование «вечного мира»³⁰. Переоценку ценностей мыслитель произвел на рубеже веков; война стала представляться ему проявлением борьбы противоположностей, то есть орудием прогресса. Силой оружия на глазах философа разрушался старый порядок, и Гегель не мог не приветствовать это поступательное движение истории. В 1805 году он пишет: «Это вечный обман, заключать договоры, брать на себя обязательства и нарушать их. Всеобщий союз народов с целью заключения вечного мира означал бы лишь господство одного народа. Моральность не имеет с этим ничего общего. Индивидуальность народов была бы стерта универсальной монархией»³¹. Здесь Гегель — решительный противник устранения войны из жизни общества. В 1817 году Гегель читает в Гейдельберге курс «Естественное право и государственная наука»: «Кант и другие высказывались в пользу вечного мира. Это благопристойная мысль и морально добрая; но при этом исходят из того, что не должно быть. Без войны народы погружаются в частную жизнь, в расслабленность, которая делает их добычей других народов». Теперь мир — морально хорош, но война — нравственно необходима. Мораль и нравственность для Гегеля — разные понятия, первая — общечеловечна и потому абстрактна, вторая — конкретна. Правовое государство, живущее в правовых отношениях с соседями, — вот идеал Гегеля в Гейдельберге. В Берлине этот взгляд подвергается критическому пересмотру. То обстоятельство, что Гегель включил в «Основы философии права» цитату из своего раннего произведения, говорит о сознательном возвращении к точке зрения, которую он еще недавно отвергал. Теперь ему снова война представляется не только неизбежным, но и благотворным социальным институтом. «Из войны народы не просто выходят укрепленными, но нации, внутри которых существуют непримиримые антагонизмы, обретают внутреннее спокойствие благодаря внешним войнам»³².

Разбирая кантовский проект достижения вечного мира путем договора, Гегель отвергает его на том основании, что

это противоречит диалектической концепции развития: если известное число государств сольется в одну семью, то этот союз должен будет создать противоположность и породить врага. Возражение сугубо умозрительное, к тому же, по сути дела, оно не связано с замыслом Канта, который намеревался объединить не группу государств, а все государства.

Другое возражение, выдвинутое в «Основах философии права» против попыток обрести вечный мир, состоит в том, что «нет претора над государствами; существуют лишь, в лучшем случае, третейские судьи и посредники между ними, да и те существуют лишь случайно»³³, между тем кантовское представление о вечном мире, поддерживаемом союзом государств, предполагает наличие некой верховной власти, признаваемой каждым отдельным государством. Это соображение Гегеля носит более серьезный характер, но надо сказать, что Кант учитывал и его, выдвигая свой проект. Кант рассматривал союз государств как «негативный суррогат», считая, что наиболее решительная мера — «международное государство», составные части которого должны «отречься подобно отдельным людям от своей дикой (беззаконной) свободы», то есть не теряя в целом своего суверенитета, все же поступиться одним из своих прав, а именно: правом войны, которое является выражением не независимости государства, а, наоборот, его постоянной зависимости от угрозы нападения. Итак, Гегель в «Основах философии права» не видит ни возможностей, ни даже необходимости для реализации идеи мира. Спор между государствами может быть решен лишь войной. Помыслы Гегеля направлены не на устранение войны, а на ее... гуманизацию, и это выглядит, пожалуй, еще более утопично, чем любой проект вечного мира. Война, говорит Гегель, вестся между государствами, а не между людьми, она не направлена против семейной и частной жизни.

«Новейшие войны ведутся поэтому человечно, и одно лицо не ненавидимо другим лицом. В худшем случае личная враждебность появляется у стоящих на передовых позициях, но в войске как войске вражда есть нечто неопределенное, отступающее на задний план перед долгом, который каждый уважает в другом»³⁴. Насколько все это далеко от жизни, говорить не приходится.

Надо, однако, заметить, что «Основы философии права» — это не последнее слово Гегеля по проблеме отношений между народами. Во втором, переработанном издании «Энциклопедии философских наук» (1827 г.) рассматриваемому вопросу посвящены параграфы 545—547. Здесь снова

речь идет о мирных договорах, «долженствующих иметь вечное значение»; вместо тезиса «Нет претора над государствами» здесь выдвинут другой — международное право ограничивает действия одних народов против других, и это открывает возможность мира.

Как и вся философская система Гегеля, его концепция войны и мира пронизана противоречивыми тенденциями. Гуманистическая традиция Просвещения сталкивается с идеей социальных антагонизмов, борьбы противоположностей. Гегель меняет свои точки зрения; понимая важность проблемы всеобщего мира, поставленной его эпохой, он пытается совместить этот идеал с реальной ситуацией, сложившейся в международной политике.

* * *

Появление «Основ философии права» вызвало разноречивые отклики. Министр Альтенштейн поздравлял автора: «Как мне кажется, вы придаете философии единственно правильную позицию по отношению к действительности, пытаясь в этом произведении и в своих лекциях с научной глубиной постичь современность и действительность и понять разумное в природе и истории; таким образом, вы наверняка сможете удержать своих слушателей от разлагающих веяний, которые отвергают существующее, даже не пытаясь его познать, и строят произвольные бессодержательные идеалы относительно государственного устройства»³⁵.

В оппозиционных кругах открыто высказывали недовольство. Фриз, задетый за живое личным выпадом в предисловии к «Основам философии права», в печати ответить не пожелал. «Метафизический гриб Гегеля, — писал он в одном из писем, — вырос не в садах науки, а на навозе низкокклонства. До 1813 года его метафизика восхищалась французами, затем она стала королевски вюртембергской, а теперь целует плеть господина фон Камптца. ...Научная серьезность не годится в качестве оружия против этого пророка сыщиков»³⁶.

Публичный ответ в защиту Фриза Гегель получил от анонимного рецензента во «Всеобщей литературной газете», издававшейся в Галле: «Господина Фриза, как мы знаем, постигла тяжелая судьба, и поступок автора сродни издевательству над поверженным. Подобное поведение неблагородно, хотя в полной мере рецензент предпочитает его не характеризовать, предоставляя это думающему читателю»³⁷.

Гегель был возмущен. Переписав то место в рецензии, которое ему показалось оскорбительным, он послал его в министерство вероисповеданий, присовокупив к нему требование оградить себя от клеветы; возмутительно, писал он, что прусский чиновник подвергается таким нападкам в газете, издающейся в Прусском государстве, вот до чего доводит слишком большая свобода печати!

Гегель хотел репрессивных мер в отношении газеты, но министерство на это не решилось. Альтенштейн ограничился лишь заверением, что он целиком на стороне Гегеля, и обещал поддержку в том случае, если философ потребует удовлетворения через суд или решит в печати оправдать себя перед читающей публикой. Гегель, однако, воздержался и от того и от другого.

Популярность Гегеля росла, но росли (разумеется, в значительно меньшей мере) и ряды противников. В начале 1820 года на философском факультете появился Артур Шопенгауэр, доктор философии, заявивший о своем желании начать преподавательскую деятельность. Соискателя почти никто не знал, хотя основной его труд «Мир как воля и представление» вот уже год как вышел из печати.

Это была странная книга. ярко написанная, она выгодно отличалась от суконной прозы профессионального немецкого гелертерства. Но то, о чем в ней шла речь, представлялось непостижимым ни здравому рассудку, ни диалектическому разуму. Зависимость от Канта выглядела абсурдной, кантианство перемешалось с древнеиндийскими верованиями и средневековой мистикой. Мир, утверждал автор, есть мое представление. Нет никакого солнца, никакой земли, а только глаз, видящий солнце, рука, осязающая землю. И вместе с тем окружающие нас предметы и мы сами не просто фикция. Материальный мир — это объективированная воля, частица которой воплощена в каждом из нас. Природа образует ряд возвышающихся друг над другом ступеней, высшую из которых занимает человек. Здесь слепая воля как бы прозревает, достигает уровня представления. Воля бесцельна: любое желание, будучи удовлетворенным, рождает новое, и так возникает бесконечная цепь действий, лишенных смысла, приносящих лишь горе и страдание. Выход для страдающего человека — в отрицании воли, воплощением которого является аскетизм. Цель человеческого бытия — нирвана, жизнь умерщвленной плоти, смирение, самоограничение.

Надо сказать, что сам Шопенгауэр был весьма далек от нарисованного им нравственного идеала. Это был человек, не чуждавшийся чувственных удовольствий, любивший

плотно поесть в хорошем ресторане, не чурался он и любовных интриг. Ему постоянно мерещились грабители, и одно время он спал с оружием в руках. Остерегаясь инфекции, он с опаской брился у парикмахера и постоянно возил с собой собственный стакан, чтобы не пить из чужих. Скупой и конфликтный, Шопенгауэр по решению суда вынужден был в течение двадцати лет платить 60 талеров пожилой швее за причиненное ей увечье; женщина имела несчастье попасть философу под горячую руку.

На своих идейных противников Шопенгауэр кидался с неменьшим остервенением. Философию Фихте и Шеллинга он часто называл пустозвонством, Гегеля — шарлатаном. «В целом гегелевская философия состоит на три четверти из чистой бессмыслицы, а на одну четверть из продажных идей. Нет лучшего средства для мистификации людей, как выложить перед ними нечто такое, что невозможно понять. Тогда они, особенно немцы, по природе своей доверчивые, тотчас же начинают думать, что все дело в их интеллекте, которому они вообще не очень-то доверяют; чтобы спасти репутацию, они скрывают свое непонимание, а лучшим средством для этого служит похвала непонятной мудрости, авторитет которой от этого все больше растет. И требуется огромная смелость и доверие к самому себе, к своему рассудку, чтобы назвать все это бессмысленным шарлатанством. В гегелевской философии явственно заметно намерение добиться милости монархов сервильностью и ортодоксией. Ясность цели пикантно контрастирует с неясностью изложения и, как клоун из яйца, вылупливается в конце толстого тома, полного напыщенной галиматьи и бессмыслицы, благодарная салонная философия, которой учат уже в начальной школе, а именно — Бог-отец, Бог-сын и святой дух, правильность евангелического вероисповедания, ложность католического и т. д. и т. п.»³⁸.

Гегель и Шопенгауэр сошлись лицом к лицу 23 марта 1820 года во время габилитации последнего. Об их стычке мы знаем по рассказу Шопенгауэра, записанному его учеником Бэрмом. Речь зашла о сознательной и бессознательной стороне в поведении животных. «Гегель задал вопрос: если лошадь ложится на дорогу, то каков здесь мотив? Шопенгауэр ответил: земля, которую она чувствует под собой, в сочетании с усталостью и общим своим состоянием. Если бы лошадь стояла над обрывом, она бы не улеглась. Гегель перебил: а животные функции Вы также относите к мотивам? Биение сердца, кровообращение и т. д. тоже происходят вследствие мотивов? Шопенгауэр был вынужден объяснить

Гегелю, что животными функциями называются не эти неосознанные органические отправления, а сознательные движения тела животного, и сослался в обоснование этой терминологии на физиологию Галлера. Гегель, однако, имел неосторожность настаивать на своем. Тогда в спор вмешался декан Лихтенштейн: “Извините, господин коллега, но, по-моему, господин доктор прав: во всяком случае, наша наука называет животными функциями именно то, о чем он говорит”. На этом диспут закончился»³⁹.

Рассказ Шопенгауэра, по-видимому, не точен. Сохранились черновые записи, которые Гегель вел во время диспута; в них не упоминаются «животные функции», но зато повсюду фигурирует термин «раздражимость», о котором не упоминает Шопенгауэр. Так или иначе, но Гегель подписал протокол габилитации, и Шопенгауэр был окрылен успехом. Еще до диспута самонадеянный соискатель поставил перед деканом условие: читать лекции он будет в те же часы, что и Гегель. Декан не возражал, но результат оказался плачевным: Шопенгауэр лишился аудитории. В течение двадцати четырех семестров он числился преподавателем Берлинского университета, но читал только одно полугодие, да и то не полностью. Желающих слушать его лекции не находилось. Иногда к нему записывались один, два, максимум семь студентов, но этого было недостаточно, и курс отменялся. Причем дело заключалось не в том, что с Гегелем вообще нельзя было соперничать; некоторым это удавалось: Генрих Риттер иногда читал параллельно с Гегелем, собирая даже более многочисленную аудиторию. Главное состояло в том, что время шопенгауэровского пессимизма еще не пришло; немецкий бюргер верил в прогресс и государственное начало.

Выход главного произведения Шопенгауэра «Мир как воля и представление» не вызвал сенсации. Среди немногих появившихся рецензий была одна, написанная коллегой автора по Берлинскому университету приват-доцентом Эдуардом Бенеке. Она увидела свет в «Йенской литературной газете», была сдержанной по тону и критичной по содержанию. Бенеке признавал талант автора, но был недоволен оскорбительными высказываниями о послекантовской философии. Шопенгауэра взорвало, он написал грубое письмо редактору газеты, которое получил обратно. Тогда он на свои средства в отделе объявлений газеты опубликовал раздраженное опровержение рецензии, которую назвал «возмутительной подделкой и оскорбительной ложью». Бенеке стал его заклятым врагом.

Здесь антипатии Шопенгауэра неожиданно совпали с гегелевскими. Маститый профессор с неодобрением следил за лекциями молодого приват-доцента, который без году неделя как на кафедре, а уже позволил себе критиковать и его воззрения. Бенеке увлекался эмпирической психологией, считая ее основой любого знания. Летом 1820 года ему, едва достигшему двадцати двух лет, было выдано (вопреки воле Гегеля) разрешение на чтение лекций, а через два года распоряжением правительства аннулировано. Книга Бенеке «Основы физики нравов» вызвала серьезные опасения: кое-кому показалось, что в ней проповедуется эпикуреизм, а отсюда — рукой подать до открытого атеизма. Гегель крамольной книги не читал, о других же работах высказался, что они «посредственные, очень посредственные, чтобы не дать им более резкой квалификации»; на занятиях Бенеке Гегель не был, но считал его «еще недостаточно подготовленным и неспособным» для чтения лекций⁴⁰. Молодого ученого уволили, и он долго скитался без работы. Впоследствии Бенеке вернулся в Берлинский университет и после кончины Гегеля получил профессуру.